

БОРИС
АКУНИН
(РОМАН-КИНО)

ФИЛЬМ ПЕРВЫЙ **СМЕРТЬ** ФИЛЬМ
НА БРУДЕРШАФТ ВТОРЫЙ

Смерть на брудершафт

Борис Акунин

Мука разбитого сердца

«Abessa Global Inc»

2007

Акунин Б.

Мука разбитого сердца / Б. Акунин — «Abessa Global Inc»,
2007 — (Смерть на брудершафт)

ISBN 978-5-17-060485-2

«Смерть на брудершафт» – название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино», призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа. Повесть «Мука разбитого сердца» описывает драматичный эпизод Первой мировой войны: столкновение разведок в нейтральной Швейцарии из-за «Шпионской биржи».

ISBN 978-5-17-060485-2

© Акунин Б., 2007
© Abessa Global Inc, 2007

Содержание

Подвиг вольноопределяющегося	6
Возвращение героя	10
Жизнь была кончена	14
Смертоносная книга	15
Явление Ангела-Спасителя	17
У генерала Жуковского	20
Смотр талантов	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Борис Акунин
Мука разбитого сердца

Фильма Вторая

**МУКА
РАЗБИТАГО**

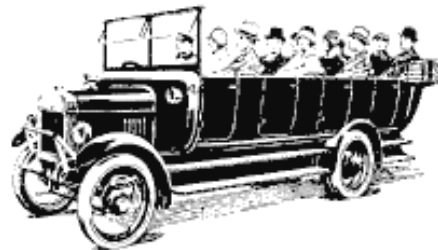
СЕРДЦА

Мелодрама

ОПЕРАТОРЪ

ДЕНИСЪ ГОРДЕЕВЪ

Тапёръ г-н Акунинъ

Подвиг вольноопределяющегося

В первый же день мобилизации студент Алексей Романов отправился на призывной пункт и записался добровольцем в действующую армию. Побудительным мотивом был не патриотизм, а самобичевание: смыть кровью ужасную вину за проваленную операцию. Еще лучше – пасть на поле брани, потому что в жилах одного человека не достанет крови, чтобы искупить ошибку такого масштаба.

Студентов на службу брали неохотно, армейское командование было уверено, что побьет тевтонов силами одной регулярной армии, однако Алеше повезло. В N-ском пехотном полку, сформировавшемся из запасных Санкт-Петербургской губернии, был недокомплект писарей. Посему Романов получил погоны с витым шнурком и был зачислен в штаб оператором пишущих машин. Однако при «ундервуде» студент состоял недолго.

В первом же серьезном бою, у восточнопрусской мызы Блюменфельд, едва лишь батарея начала артподготовку, вольноопределяющийся сбежал на передовую линию. Он боялся только одного – что турнут обратно. Но офицеры были ему рады – и командир роты, и субалтерн Шольц, очень славный веснушчатый подпоручик одного с Алешей возраста. Пожали храбрцу руку, выдали винтовку, показали, как примкнуть штык.

Когда капитан залиvisto дунул в свисток и отчаянным голосом крикнул «Ура, братцы! Вперед!», Алеша зачем-то посмотрел на часы (было ровно девять утра) и прыгнул из окопа на поле, будто в прорубь на Крещение.

Он несся огромными прыжками. Потом оглянулся, увидел, что здорово оторвался от роты, и стал бежать потише.

Спереди, со стороны кустарника, начали стрелять, воздух наполнился шипением и разбойничьим свистом. Это пули, понял Романов. Представил, как раскаленный кусок свинца попадает в живот, зажмурился и тоже стал орать «Ура-а-а!». Но кричать и бежать было трудно – не хватало дыхания. Глаза же и вовсе закрывать не следовало. Вольноопределяющийся споткнулся о торчащий из земли сук и упал, а когда поднялся, впереди были сплошь спины в линиях гимнастерках.

Та-та-та-та-та! – с радостным ожесточением ударил пулемет. Вокруг все закричали, но не «Ура!», а «Мама!» или по-матерному. Все вдруг побежали гораздо медленнее. Многие стали падать. Кое-кто повернул назад. У этих, которые повернули и теперь оказались к Алеше лицом, были вытаращенные, остановившиеся глаза и разинутые рты.

Сплошная стена гимнастерок, заслонявшая поле, проредилась. Романов снова оказался впереди всех. Капитана не было видно, в свисток больше никто не дул. Зато Шольца студент увидел совсем близко. Подпоручик лежал ничком, отбросив руку в перчатке.

– Вы что, ребята, вы что?! – закричал Алеша бегущим.

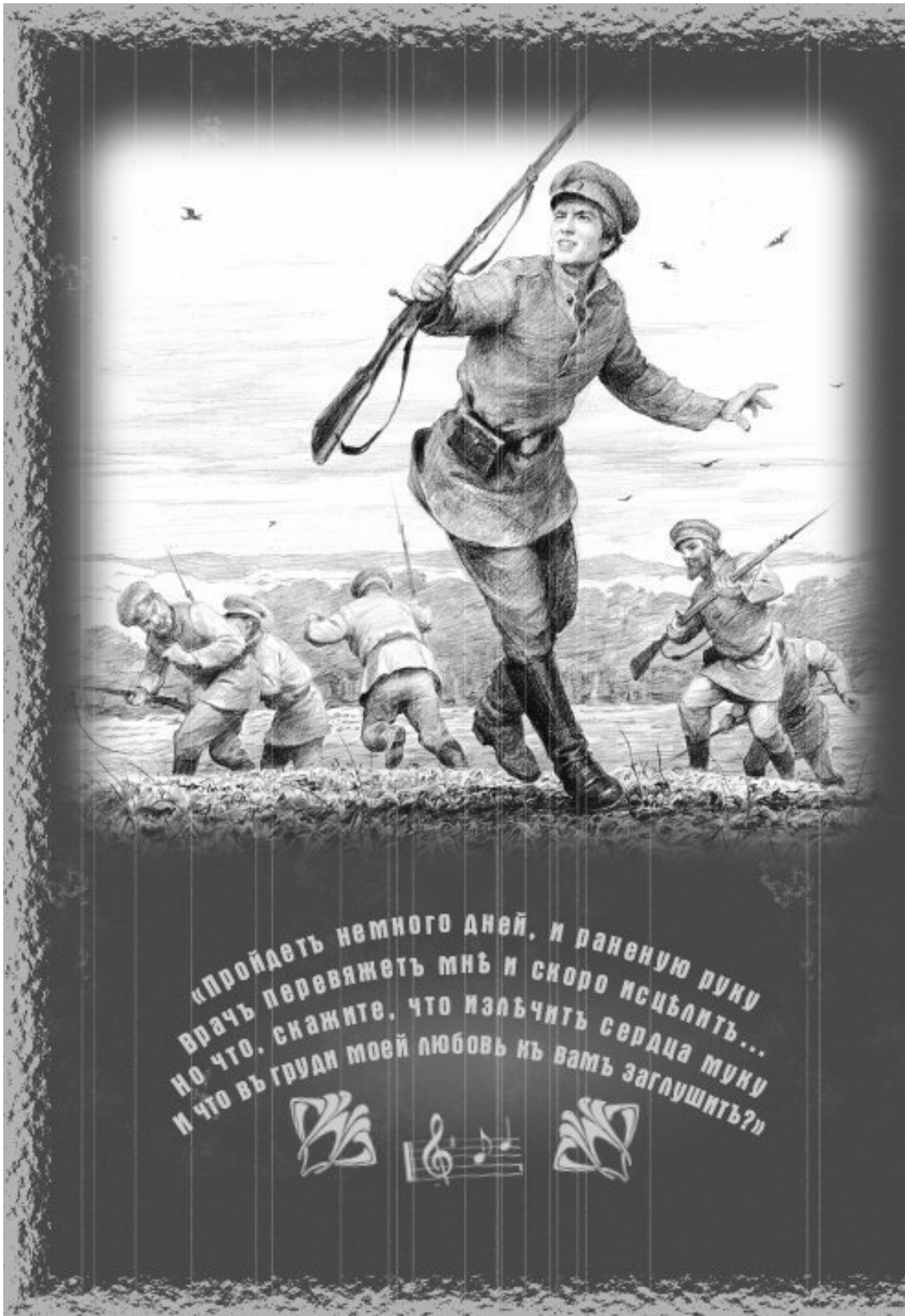
Только в этот миг ему стало по-настоящему страшно. Если все побегут, то и ему придется. Тогда пуля попадет не в грудь, а в спину. Хороша будет смерть храбрых!

Он замахал винтовкой, повернув назад одну только голову.

– Ребята, вперед! Немножко осталось! Вон они, кусты!

«Совсем как Болконский при Аустерлице», мелькнуло в голове у Романова.

Только за князем Болконским солдаты побежали, а за Алешей никто. Он остался торчать посреди пустого пространства один.

«Пройдет немного дней, и раненую руку
врач перевяжет мне и скоро исцелит...
но что, скажите, что излечит сердца муку
и что в груди моей любовь к вам заглушить?»

Вперед бежать было глупо, в плен попадешь. Назад – немислимо.

Неизвестно, чем бы закончилась эта невозможная ситуация, если б не германская пуля, попавшая-таки в Алешу. Не в грудь и, слава Богу, не в спину. В руку.

Как будто кто-то с размаху ударил железным ломом пониже правого локтя. Было не столько больно, сколько горячо, и вся рука до плеча разом онемела. От толчка Романов крутанулся на месте, упал.

Понял: ранен. И опять зачем-то посмотрел на часы. Очевидно, сработала подсознательная реакция – ухватиться за нечто незыблемое и логическое в сошедшей с ума реальности.

Но оказывается, время тоже окоченело от ужаса. Циферблат показывал все те же девять часов. Атака не продлилась и одной минуты.

Неимоверное облегчение – вот чувство, с которым Алеша, пригнувшись, бежал назад. Винтовку волочил по траве за ремень. Немцы по раненому не стреляли.

Доковылял до окопа, упал на руки солдат и лишь тогда, опять-таки с облегчением, лишился чувств.

С героями на германском фронте в эти мрачные сентябрьские дни было скудно. Бездарную атаку на пулеметы по открытому полю в рапорте представили как богатырский порыв. Раненого студента представили к унтер-офицерскому чину, наградили крестом, а еще поместили в газете Севзапфронта заметку «Подвиг вольноопределяющегося», которую потом перепечатали и в столицах.

Из публикации Романов узнал, что он с огнем в глазах и кличем «За Русь-матушку!», увлек роту в геройскую штыковую атаку после выбытия из строя всех офицеров. Про то, что рота не очень-то увлеклась, а до штыков вовсе не дошло, в статейке упомянуто не было.

Вопрос о том, смыл ли он вину кровью, для Алеши так и остался открытым. По правде говоря, ему было не до моральных терзаний – хватало физических. Восьмимиллиметровая пуля германского «машиненгевера» перебила кости предплечья. Измученный непрерывными операциями хирург поначалу хотел отчистить растерзанную конечность, потому что ампутация занимает пятнадцать минут, а, если вычищать осколки кости да сшивать сухожилия, это возни часа на два. Но узнал, что студент – и пожалел. Повезло Алеше, остался при руке.

Проку от нее, честно сказать, было мало. Одна мука. Рука двигаться не двигалась, но исторгала невероятное количество гноя и адски саднила, а обезболивающие уколы в отделении для нижних чинов делали лишь самым тяжелым. Чтобы не выть в голос, Романов распевал нудные, тягучие романсы Абазы. Тем и спасся.

У кровати бледного героя стали задерживаться сестрички милосердия. Слушали с затуманенным взором, вздыхали, иные и плакали. Одна повязку не в очередь сменит, другая лоб укусом протрет, а некая Машенька даже потихоньку таскала из операционной шприцы с морфием. Так Алеша и пережил первые три недели, потом стало легче. Лихорадка спала, боли прошли.

В госпиталь приехал генерал, прицепил герою прямо на пижаму сияющий солдатский «Георгий». Алеша спел на Покровском концерте, после чего был перемещен в офицерскую палату. Жизнь понемногу вновь обретала краски.

Но были и поводы для огорчения, числом два.

Во-первых, не слушалась рука. Кисть еще так-сяк шевелилась, а пальцы ни в какую, и старший ординатор на вопрос о перспективах лишь качал головой. Было очень похоже, что ни водить авто, ни играть на фортепьяно студенту Романову больше не доведется.

Меньшее (но тоже нешуточное) огорчение возникло из-за милосердной Машеньки. Как известно, в женском сердце от милосердия до любви дистанция самая крохотная. А девушка была смелая, с характером – даром что ли на войну ушла – и повела себя на манер пушкинской героини, то есть своих чувств скрывать не стала.

В случаях, когда нужно ответить на страстное признание отказом, мужчине приходится куда труднее, чем женщине. Обычаи и привычки общества таковы, что, оказавшись в положении Иосифа Прекрасного, бегущего ласк жены Потифара, молодой человек выглядит довольно комично и даже жалко. Особенно если тут еще примешивается долг живейшей благодарности и симпатия, ибо Машенька была, хоть не красавица, но очень и очень мила.

В конце концов обошлось. Алеша поступил немножко жестоко, но честно: рассказал про Симу, и Машенька, благородная душа, поняла. Даже предложила, что будет под Алешину диктовку писать счастливой сопернице письма, однако это было бы уже чересчур.

После ранения Романов невесте ни разу не написал, да и от нее весточек не было. Последнее не удивительно, поскольку госпиталь несколько раз переезжал с места на место. Сам же он не мог держать перо, а потом, когда кое-как обучился карябать левой, подумал, что эффективнее будет заявиться лично. Наверняка Сима читала про геройство вольноопределяющегося в газете, места себе от тревоги не находит. Тут-то он и объявится: с крестом, с лычками, с рукой на черном платке.

Через восемь недель после ранения младший унтер-офицер А.П.Романов был выписан в бессрочный отпуск и отбыл в Санкт-Петербург.

При трогательном расставании получил от Машеньки закапанную слезами инструкцию с рисуночками (как разрабатывать руку, чтоб не сохла) и маленький каучуковый мячик – тренировать пальцы.

Фронтная карьера добровольца была закончена.

Возвращение героя

Однажды ноябрьскими сумерками на крыльцо маленького, знававшего лучшие времена особняка у Невской заставы поднялся увечный защитник отечества в накинутой на плечи шинели. Встал перед медным колокольчиком, но позвонил в него не сразу, а минут через пять.

Сначала поставил чемоданчик и продел левую руку в рукав, правое же плечо шинели отвел подальше, чтоб было видно черную перевязь. Подумав немного, раскрыл пошире и левый отворот – там блеснул георгиевский крест. Поправил фуражку. Посмотрелся в маленькое зеркальце и, кажется, остался собою доволен. Взволнованное лицо просияло улыбкой.

Не может быть, чтобы Симочка долго сердилась на раненого героя. Ну да, ушел на фронт не попросившись, написал уже из эшелона. И после ранения не давал о себе знать. Но ведь не к цыганам на острова ездил – Родину защищал. И вернулся со щитом. То есть, собственно, даже на щите. Если учитывать тяжкое ранение.

Главное ни в коем случае не оправдываться. Просто сказать: «Любимая, это я». Или еще лучше: «Господи, как я по тебе соскучился».

Охваченный новым приступом волнения, он дернул за язычок. Колокольчик зазвонил громко и страстно.

Хорошо бы открыла не горничная, а сама Симочка. Но лучше горничная, чем матушка Антония Николаевна. Она Алеше никогда не симпатизировала.

– Глашка, звонят! Открой! – донесся откуда-то из глубин дома звучный мужской голос. – Глафира! Где она? Что за черт?

Точно такой же вопрос возник и у Алеши. Что за черт? Какой такой крикун распоряжается в доме Чегодаевых?

Послышались тяжелые шаги. Дверь распахнулась.

На пороге стоял усатый субъект в самом что ни на есть затрапезном виде. На волосах сеточка, на груди салфетка, одет в бархатную куртку, ноги в домашних туфлях. Судя по цвету канта на форменных брюках, офицер интендантского ведомства.

Увидев перед собой нижнего чина, непонятный человек рассердился:

– Что трезвонишь, болван? Для хамья есть черный ход! А расхристался-то! – Взгляд грозно упал на раскрытую шинель. Наверняка заметил и руку на перевязи, и крест, но не смягчился, а совсем наоборот. – Еще кавалер! Стыдно!

– Что за тон, милостивый государь! – вспыхнул Романов, благо наглец был не в кителе, а офицерских брюк раненый герой мог и не заметить.

Незнакомец услышал «милостивого государя», разглядел шнурок по краю погона и сменил тон:

– А, вольнопер, – снисходительно пробасил он. – Извиняюсь. Не разглядел. Вам кого?

У Алеши сжалось сердце. Съехали! Вот и горничная не злющая мымра Степанида, а какая-то неведомая Глашка.

– Я к Серафиме Александровне Чегодаевой... Они что, тут больше не живут?

Офицер чуть нахмурился. Невежливо ответил вопросом на вопрос:

– Вы, собственно, кто?

– Романов, Алексей Парисович.

Вдруг Алешу осенило. Антония Николаевна рассказывала про какого-то своего двоюродного племянника.

– А вы, наверно, Симочкин кузен из Тулы? – заулыбался молодой человек. – Антония Николаевна говорила, что вы артиллерист. Наверно, перепутала. Знаете, женщинам всё едино...

– «Симочкин»? – повторил интендант голосом, который не предвещал ничего хорошего. – Однако... Я не кузен и в Туле отродясь не бывал. – Обернувшись, загадочный господин крикнул. – Лапусик! К тебе какой-то господин Рубанов!

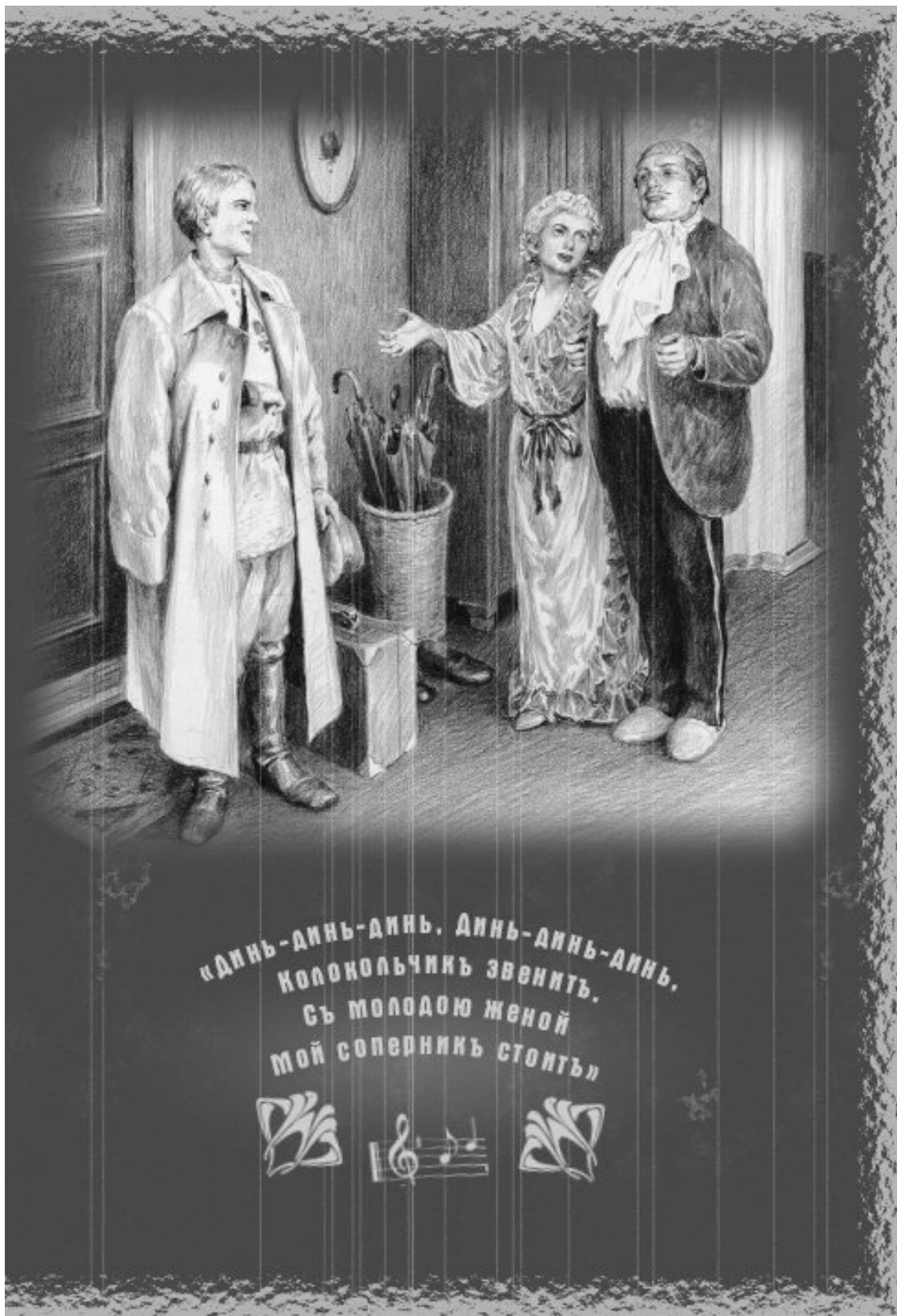
– Романов, – смертельно побледнев, пролепетал Алеша.

Ему показалось, что в прихожей вдруг стало темно, а стены будто качнулись и стиснули коридор, который сделался похож на мрачное, бесприютное ущелье.

Но раскрылась белая дверь, из нее хлынул яркий электрический свет. В дверном проеме стояла Симочка в красном шелковом халате и папильотках.

Она увидела гостя, сразу всё поняла и схватилась за сердце.

– Ах! Алеша... То есть Алексей Парисович! – с удивительной быстротой поправилась она и, решительно сжав кулачки, заговорила быстро и твердо. Очевидно, не раз воображала себе эту сцену и была к ней готова. – Я хотела тебе... то есть вам написать, но... всё не могла собраться... Это Михаил Антонович. Мой муж. Мы только что вернулись из свадебного путешествия. Ездили на воды, в Кисловодск. Всего на неделю. На больший срок Мишеля не отпустили. Война, а он так нужен на службе! Вы, Алеша, наверное, к маме? А они со Степанидой переехали. Мишель снял им чудную квартирку на Литейном.

Муж слушал и наливался опасным багрянцем. Кажется, басне про маму не поверил.
– Ах, милый, это же Алексей Романов! Я тебе рассказывала! – всё быстрее тараторила Сима, теребя своего Мишеля пальчиками за рукав. – Ну, которому мама так покровительствовала. У него еще баритон. Неужели не помнишь?

Она говорила что-то еще, но бедный, раздавленный Алеша уже не слушал. Он опустил глаза, чтобы не видеть покрасневшего от вранья личика своей невесты. Взгляд упал на ее щиколотки, розовевшие в обрамлении туфелек беличьего меха.

Сердце сжалось, в груди будто что-то хрустнуло.

Жизнь была кончена

Когда Мишель, сменив гнев на милость и даже выказав деликатность, вышел из коридора, Сима перешла на шепот, даже прижалась на миг. Губам стало горячо и влажно – то ли поцеловала, то ли слезой капнула. Алеша не разобрал, ибо пребывал в оцепенении.

Жизнь была кончена. В этот черный миг жалеть следовало только об одном – что германский пулемет не оборвал ее на поле у мызы Блюменфельд. Всё, что произошло позднее, два месяца боли и надежд, были ни к чему. Пустой перевод тепловой энергии, кислорода и дефицитного морфия.

Романов вспомнил блаженное ощущение неуязвимости и довольства, накатывавшее после каждого Машенькиного шприца. Вспомнил и саму Машеньку. Но морфий не может заменить реальность. Машенька не может заменить любовь.

Кончено, всё кончено.

Он шел по мокрой мостовой под мелким ноябрьским дождем. Вдоль тротуарных бровок густо лежали мертвые листья. Как тела в линялых гимнастерках на расстрелянном поле. Не повезло. Не повезло...

Когда первое потрясение ослабело, Алеша по математической привычке просчитал варианты решения.

В армию не возьмут. Кому он, однорукий, нужен? Комиссован вчистую.

Вернуться в университет? Невозможно. Какие могут быть лекции и экзамены после Блюменфельда? Какая к черту математика? Мир бессмысленно жесток, любая попытка его рационализировать, научно объяснить – подлость и шарлатанство.

Уехать к отцу в Сестрорецк? Там другая жена, другие дети. Не нужен им Алексей Романов, да и они ему не нужны.

Варианты были перебраны более для проформы. Разбитое сердце знало правильный ответ заранее. Он оказывался единственно верным.

Вчистую так вчистую. Отличное слово.

Грязь, слякоть, ноябрь, предательство, физическая и духовная мука пускай остаются здесь. Без нас.

Как? – спросил себя разом повеселевший Алеша.

Очень просто.

А «Капитал»-то на что?

Смертоносная книга

Марксов «Капитал» стоял на том же месте, только пылью покрылся – и то исключительно из-за почтительности горничной-чухонки, которая знала, что Алексей Парисович не одобряет, когда тряпка или щетка касаются его письменного стола или книжных полок.

Ирма Урховна была славная, на ее аккуратности и обстоятельности держался весь безалаберный дом дяди Жоржа. В тощие дни, когда старый оболтус спускал в карты все деньги, Ирма прибегала к крайнему средству – отпирала свой заветный сундучок, в котором хранились деньги, отложенные на похороны. Баба она была еще не старая, исключительно крепкого здоровья, но любила повторять: «Если сто, Ирма сама са себя плятит, перет лютьми стыдно не путет». Потом, восстановив кредитоспособность, Георгий Степанович возвращал долг с лихвой. Лихва тоже откладывалась во имя грядущего скорбного торжества. Денег в сундучке, наверное, уже хватило бы на генеральские похороны с лакированным катафалком и духовым оркестром.

Дяди в городе не было. Он заделался видным деятелем патриотического движения, беспрестанно разъезжал по городам и весям, собирая зажигательными речами средства на военный заём.

Вернувшегося воина встретила одна горничная. Оросила слезами и всё повторяла «какой плёхой стал, коза да кости». Сбегала куда-то, принесла платок, на котором все эти дни вышивала ангелов. Они-то, по ее словам, и уберегли «Алёсеньку» от гибели.

Вот единственный человек, который меня ждал, с обидной для Ирмы горечью подумал Романов. Сухо спровадил добрую женщину за дверь и огляделся.

Как уже было сказано, в комнате студента всё осталось по-прежнему. Даже оброненная на пол коленкоровая тетрабочка лежала нетронутой, Ирма подметала пол вокруг нее, а саму писчебумажную принадлежность не потревожила. В тетрабочке наивный студент намеревался вести фронтальной дневник, да позабыл взять из-за поспешности сборов.

Алеша поднял блокнот, вырвал страничку и злобно накалякал карандашом: «А ну вас всех!»

Еще раз обвел взглядом комнату, в которой прожил целых четыре года.

Пианино сверкало черным лаком, как будущий Ирмин катафалк. Играть на инструменте всё равно не пришлось бы. Разве можно тренировать пальцы каучуковым мячиком, если сердце в осколках?

На столе (маленькая садистская деталь) стояла в рамке фотокарточка улыбающейся Симы, супруги мордатого интенданта.

Да, женское сердце загадка. Но пускай ее разгадывают другие.

Без колебаний он снял с полки картонный книжный футляр. На нем было напечатано готическими буквами «Das Kapital», однако фолианта внутри не было. На первом курсе Алеша честно пытался освоить эпохальный труд германского ученого, но не преуспел. В картонке был спрятан пистолет «штейер-пипер», досадное напоминание об еще одном горьком фиаско.

На следующий день после памятной дуэли на брудершафт Романов наведалься в дачный лесок и отыскал выпавшую обойму. Ибо как без нее возвращать казенное оружие? Но сдавать пистолет не пришлось. Штабсротмистр Козловский лежал в госпитале, а тут нагрянула мобилизация. Отправляясь на фронт, Алеша спрятал оружие в такое место, куда ни дисциплинированная Ирма, ни равнодушный к ученым книгам дядя нипочем не полезли бы.

Расчет оказался верен.

На ладонь легла маленькая, совсем не тяжелая машинка, таившая в себе ответ на главный вопрос бытия: быть или не быть.

Ответ был таков: not to be.

Младший унтер-офицер N-ского пехотного полка – это вам не растяпа-студент. В рычажках и кнопках не запутается, магазина на пол не выронит. Одна беда – не так-то просто взвести затвор одной левой.

Яростно ругаясь шепотом, Романов сел поудобнее, зажал пистолет под мышкой. И чуть не всхлипнул от злости. Опять не вышло!

Эврика!

На краю стола в тусклом свете абажура блеснули маленькие тиски. Когда-то, в прежней жизни, у студента Алеши Романова было множество невинных увлечений. Пение. Футбол. Бокс. Выпиливание лобзиком. Самым полезным оказалось последнее.

Вот оно, решение задачи. Зажать кончик ствола, затвор дернуть левой рукой.

Алеша порывисто вскочил, и тут, как назло, раздалось: тук-тук-тук!

Кто там еще? Ирма в дверь никогда не стучит, это кажется ей неделикатным. Скребет ногтем и спрашивает: «Мозьно?»

Не откликаться, не открывать!

Всех к черту!

Дверная рукоятка качнулась. Створка скрипнула. Проклятье! От волнения он забыл запереться!

Алеша еле успел положить «пипер» на стол и прикрыть батистовым платком, сплошь расшитым ангелочками.

Явление Ангела-Спасителя

Высокая, плечистая фигура, вдоль и поперек перехваченная скрипучими ремнями, заняла собою весь проем.

– Ну-ка, ну-ка, покажитесь! Что это вы в сумерках? Где тут выключатель? – Вспыхнула люстра, и штабс-ротмистр Козловский предстал перед бывшим соратником во всей гвардейской красе: румяный, здоровый, с победительно торчащими усами. – Лычки, боевой крест! Герой! Я вас, Романов, обыскался. Хотел из полка вытребовать – говорят, в госпитале. Я в госпиталь – выписан. Ну, я сюда, по старой памяти. И застал! Повезло! Как рука? – заботливо нахмурился князь, обнимая Алешу только с одной, левой стороны. – Срослась?

Постная физиономия могла вызвать ненужные расспросы, поэтому Романов изо всех сил растянул губы в улыбке.

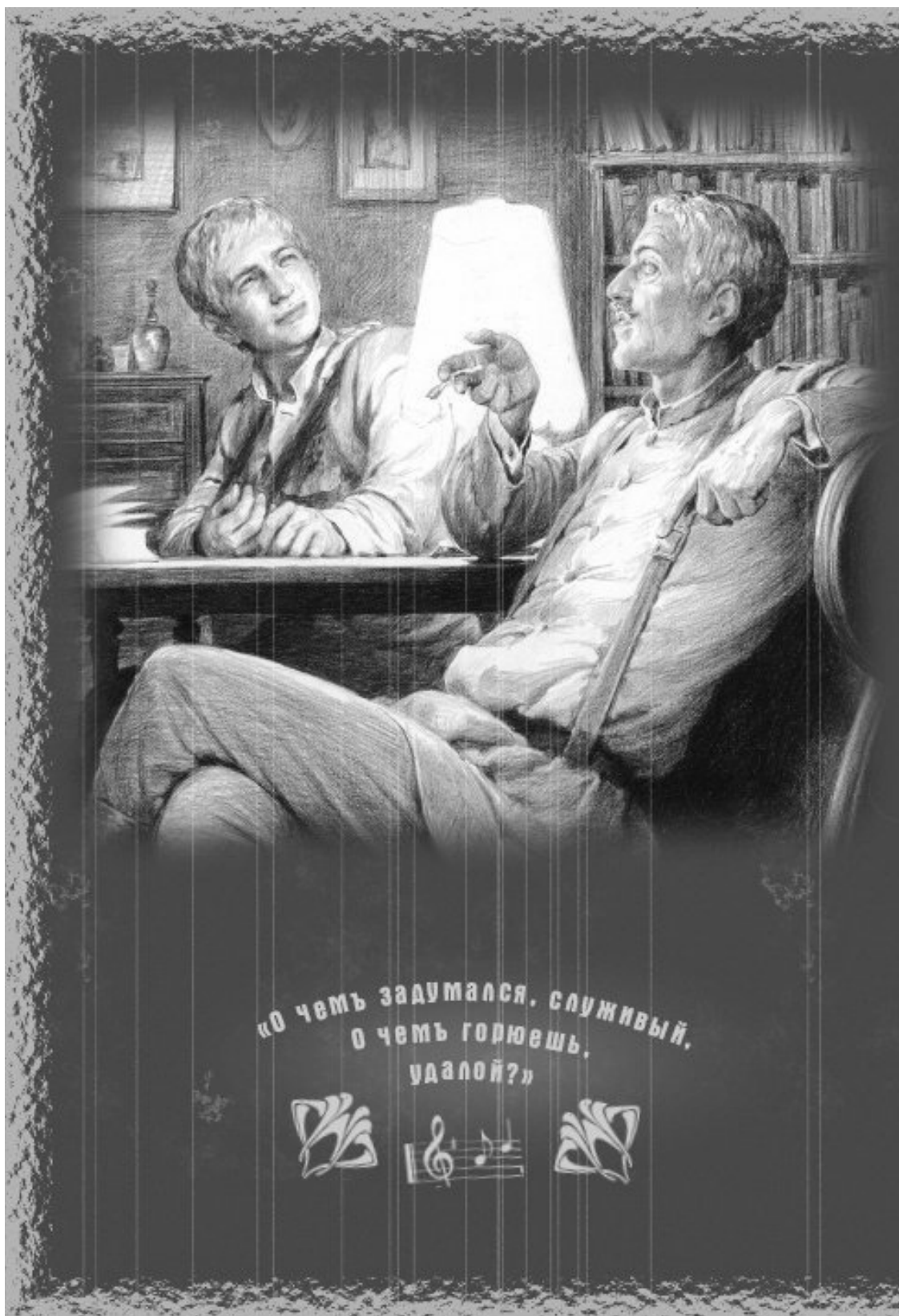
– Здравствуйте, Лавр Константинович. Кости-то ничего, вот сухожилия... Пальцы не слушаются.

– Э, голуба, мячик жать надо, гуттаперчевый, я вам подарю.

Козловский сел на стул, положил фуражку прямо рядом с ненадежно замаскированным пистолетом.

– Мячик есть. Вы сами-то как? Поправились? – поспешно спросил Алеша, заходя с другой стороны, чтобы собеседник повернул к нему голову.

– Здравей прежнего. – Князь с любопытством разглядывал молодого человека. – Дыра в кишках – ерунда, зарастает в два счета, это вам не сухожилие. Доктора говорят, мне теперь коньяку нельзя, плохо будет. Но это они врут, я проверял. Очень даже хорошо. Читал в газете про ваш подвиг. Герой! А почему лицо кислое? В чем дело?

Контрразведчик есть контрразведчик, перед таким притворяться бессмысленно. Убрав с лица фальшивую улыбку, Романов небрежно обронил:
– Так... Невеста замуж вышла. В смысле, за другого... Трех месяцев не прождала.
– Та, блондиночка? – кивнул штабс-ротмистр. – Ну и черт с ней. На что вам невеста, которая ждать не умеет? А не дай Бог, женились бы? Еще хуже бы вышло. Радоваться надо, что спас Господь.

Он хлопнул Алешу по здоровому плечу и подмигнул:

– Будет вам. Что нос повесили? Не стреляться же из-за дуры! – Еще и засмеялся, солдатфон. – Сейчас такие времена, найдется, кому в нас пострелять.

Он подождал, не скажет ли что-нибудь на это собеседник. Не дождался. Тогда прищурился и сменил тон с веселого на деловитый.

– Его превосходительство помните? Кофе с булочкой? Погнали к черту. Он и в мирное-то время был не орел, а как война началась, вовсе потерялся. Отправлен назад, в полицию. Бдить за марксистами. – Штабсротмистр покосился на футляр от «Дас Капитала» и наморщил нос. – Ну туда ему и дорога. А у нас новый шеф, генерал Жуковский. Толковый, одно удовольствие служить. Причем разведку и контрразведку решено объединить под общим руководством. Так что все вместе работаем.

Алеша ахал, двигал бровями, вставлял односложные слова – в общем, изображал заинтересованность. Нужно было дотерпеть, дожидаться, пока старый знакомец уйдет.

Но князь, похоже, никуда не торопился. Закурил папиросу, откинулся назад, пристроил хромую ногу поудобнее.

– А я к вам по делу. Вы мне очень нужны. Сколько времени на поиски потратил!

По какому еще делу, тоскливо подумалось без пяти минут самоубийце. Долго ты меня мучить будешь, дьявол колченогий? Изыди!

– Хотите Родине пользу принести? – интригующим тоном спросил Козловский. – Гораздо большую, чем в окопе?

– С окопами всё. – Романов кивнул на раненую руку. – Комиссован вчистую.

– Тем более! Тут такое дело... – Штабс-ротмистр весь подался в Алешину сторону и понизил голос. – Шерлок Холмс, Монте-Кристо и Нат Пинкертон в одной шкатулке. Я сразу про вас вспомнил. Во-первых, отлично на том деле поработали...

Алеша скривился – воспоминание было не из приятных.

– ...А во-вторых, у вас, сколько я помню, хороший тенор?

– Баритон.

– Неважно. Талант в землю зарывать – грех. Готовы послужить отечеству, георгиевский кавалер?

– Готов, – вяло ответил кавалер.

А что было отвечать: «Не готов, я покидаю ваше отечество ради Отечества Небесного»? При чем тут талант и баритон, даже спрашивать не стал. Неинтересно.

– Вы извините, Лавр Константинович, рука что-то разнылась... Давайте после поговорим.

Но от штабс-ротмистра так просто было не отвязаться.

Он поднялся, потянул молодого человека за локоть из комнаты.

В прихожей накинул ему на плечи шинель, нахлобучил фуражку.

– А раз готовы, так едемте. Время дорого. Такое расскажу – враз о ране позабудете.

От этакого напора Романов опешил, да и не в том он сейчас был состоянии, чтобы отбиваться. Бубнил что-то про усталость, про руку, но князь не слушал.

Уже на лестнице Козловский хлопнул себя по лбу, рассмеялся.

– Вас-то одел, а сам с непокрытой головой. Я сейчас!

Быстро проковылял назад в комнату, взял со стола забытую фуражку. Потом, воровато оглянувшись, приподнял платок. Поцокал языком.

Вынув из пистолета обойму, князь спрятал ее в карман и снова прикрыл оружие батистом.

У генерала Жуковского

Лобастый, коротко стриженный человек поднял голову от бумаг, посмотрел на вошедших в кабинет и коротко кивнул.

– А, Козловский. Отыскали своего певца?

Голубые, немного навывкате глаза неторопливо оглядели унтер-офицера. Массивная нижняя челюсть подвигалась вправо-влево, будто пробовала молодого человека на вкус.

Бульдог в пенсне, подумал Алеша, не отводя взгляда. Для человека, готового переступить порог смерти, есть лишь одно начальство – Господь Бог. Да и того, может, не существует. Скоро выясним.

Две звездочки на погонах, вензель – генерал-майор свиты его величества. Белый мальтийский крестик – закончил Пажеский корпус. Круглый значок – это, кажется, академия Генштаба. Все эти атрибуты мирской суеты на человека с разбитым сердцем особенного впечатления не произвели.

– Так точно, ваше превосходительство! Кандидат в солисты! Фамилия Романов! Я докладывал! – отрапортовал штабс-ротмистр короткими молодецкими фразами.

Генерал встал, обошел стол и остановился в двух шагах от Алеши. И впрямь бульдог, обнюхивает, сказал себе тот, бестрепетно снося инспекцию. Какой кандидат? В какие солисты?

– Видом недурен, – объявил приговор Жуковский и спросил – непонятно, Алешу или князя. – Работать готов?

Романов не ответил. За него это сделал Козловский:

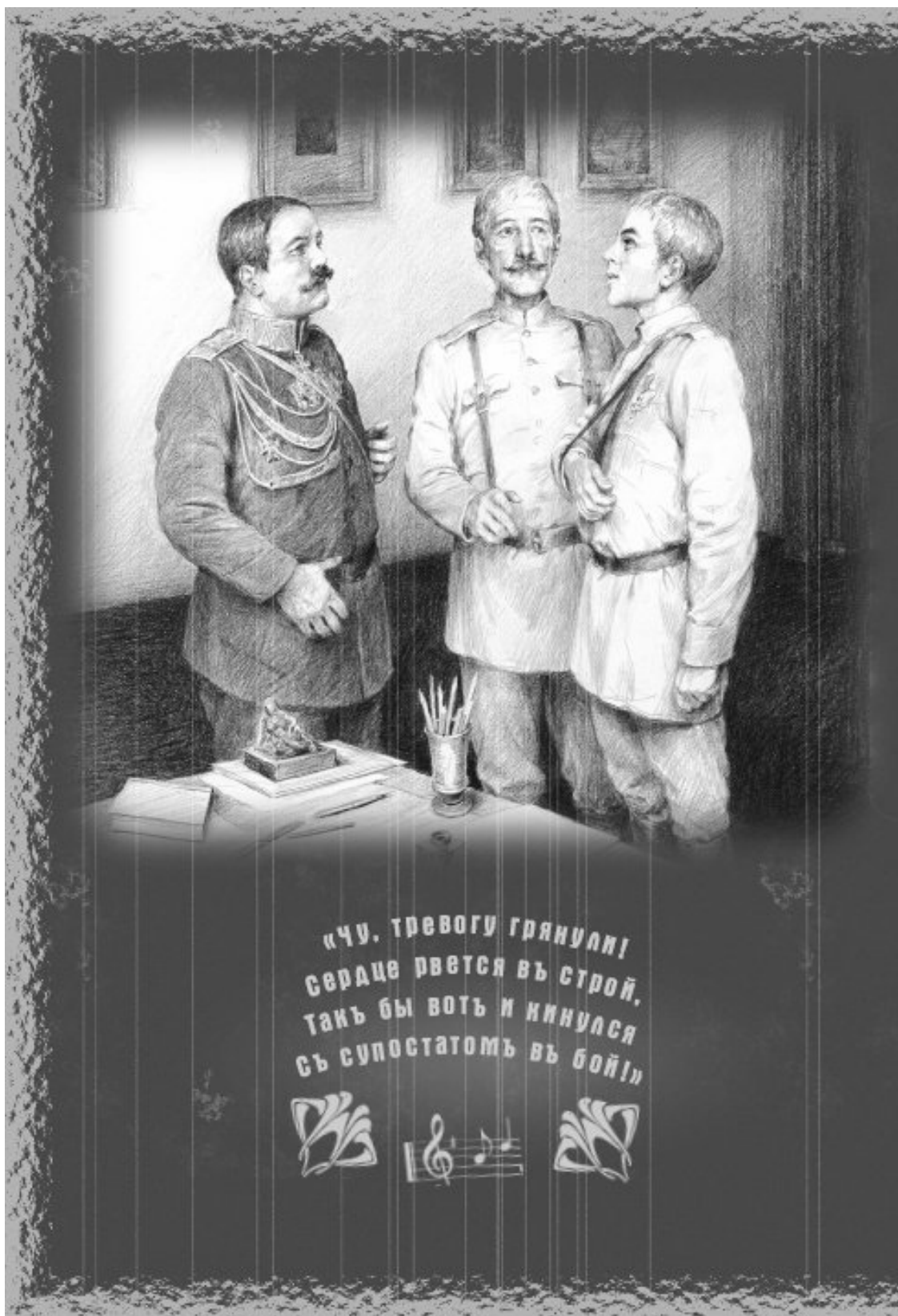
– Счастлив, ваше превосходительство!

Лицо генерала помягчело, бульдожьи брыли расплзлись в улыбке. Начальник разведочно-контрразведочного управления крепко пожал Алеше левую руку.

– Ну, как говорится, добро пожаловать на корабль. – Голос у него стал веселый, бодрый. – Паруса подняты, команда в сборе, ждали только вас. Плавание предстоит увлекательное и опасное. Вы как, опасностей не боитесь? – осведомился генерал, усмешкой давая понять, что вопрос риторический.

– Нет, – безо всякой бравады, совершенно искренне ответил Алеша. Хотел добавить «ваше превосходительство», как положено по уставу, но поленился.

Вряд ли существуют вояжи более опасные, чем тот, в который он собрался отправиться при помощи «штейерпипера».

А все же слабое любопытство шевельнулось.

Немногословие вольноопределяющегося начальнику, похоже, импонировало.

– Ну так садитесь. Оба! – прикрикнул Жуковский на замешкавшегося князя, который не смел опускаться на стул, пока командир стоит. – Ничего, я разомнусь. Задницу отсидел. А вы, Романов, слушайте и вникайте.

Это было странно. Младший унтер-офицер сидит, а генерал-майор свиты его величества расхаживает перед ним взад-вперед и рассказывает, рассказывает. Сам! Хотя мог поручить штабс-ротмистру. Оказалось, что в Алешиной душе кроме любопытства жива еще одна эмоция: он чувствовал себя польщенным.

– В итальянской части Швейцарии, в курортном городке Сан-Плачидо, это на Луганском озере, существует одна необычайная фирма, – с видимым удовольствием, как-то очень вкусно начал Жуковский. – То есть по внешней видимости фирма как раз самая обычная. Название скучное: экспортно-импортная компания «Зоммер унд Зоммер». В каком смысле «унд», не знаю, поскольку Зоммер там всего один. Должно быть, в аллегорическом – намек на двуликого Януса. Нас, однако, интересуют не аллегии, а товар, которым очень успешно торгует господин Зоммер. Среди специалистов его предприятие принято именовать «Шпионской биржей». Это и в самом деле род биржи.

Но продают там не акции, а самые разнообразные секреты. По случаю войны в основном шпионские сведения. Лавр Константинович, покажите-ка юноше нашего коммерсанта...

Козловский встал, дохромал до шкафа и взял с полки весьма пухлую папку.

– Вот он, сокол ясный... В авто... Со стройной брюнеткой... С пышной блондинкой... С мулаткой. Хороша, да?

Немолодой и, на Алешин взгляд, очень непривлекательный господин с маленькими глазками и мясистым ртом почти на всех фотографиях был запечатлен в обществе писаных красавиц. Снимки, правда, были неважного качества. Одни темные, другие светлые, третьи смазанные. Тайная съемка, догадался Романов.

– Президент «биржи» – большой ценитель прекрасного пола. Но это нам, увы, не поможет, – вздохнул генерал. – Французская разведка отлично использует агентов-женщин. У немцев это тоже заведено, а мы как-то не сподобились. По нашему русскому обыкновению всё чистоплюйничаем. Можно было бы дамочек в Охранном отделении одолжить, там практикуют. Но подготовка не та. Зоммер – это вам не эсер и не анархист. Господин в высшей степени прагматичный, осторожный. Чтоб с ним работать, нужна разведчица высокого полета. В Охранном таких не водится... Пока всё понятно? Спрашивайте сейчас. Чтоб потом не возвращаться.

Спросить, конечно, хотелось про интересное: что такое практикуют с «дамочками» в Охранном отделении? Но про это, вероятно, не следовало.

– Ваше превосходительство, а откуда у Зоммера берутся секреты, которыми он торгует?

– О, это коммерческий гений. В своем роде. Президент «биржи» раньше всех понял, что самый дорогой на свете товар – тайны. У Зоммера сотни агентов и симпатизантов в высших кругах всего мира. Высматривают, вынюхивают, выпытывают – и за комиссионные поставляют улов нашему биржевику, а он потом находит на товар клиента. Нередко бывает, что люди, вовсе не знакомые с Зоммером, но откуда-то узнавшие о «Шпионской бирже», выходят на нее сами. Эксперты проверяют подлинность сведений, владелец назначает цену. Иногда, если товар слишком дорог или специфичен, Зоммер выступает в роли маклера, извещает потенциального покупателя, которого эта поставка может заинтересовать. Случается и наоборот: клиенты делают Зоммеру заявку, а он кумекает, как выполнить заказ. Это стоит дороже. – Генерал рассказывал про тароватого швейцарца с улыбкой, в которой читалось чуть ли не восхищение. – Он, мерзавец, развратил множество профессиональных шпионов. Иные, особенно из числа некадровых, раскопав что-нибудь особенно важное, несут добычу не своему резиденту, а Зоммеру – тот больше заплатит... Вопрос? – прервался Жуковский, заметив, что вольноопределяющийся насупил брови.

– Ваше превосходительство, Зоммер что, работает против Антанты?

– Как вы могли такое подумать? Это честный коммерсант, придерживающийся строгого нейтралитета, – укоризненно развел руками начальник, и штабс-ротмистр, не сдержавшись, фыркнул. – Зоммер обслуживает обе стороны. Продал французскому генштабу германский

морской радиошифр. Австрийцам – чертежи нового разведывательного самолета «Фарман F-22». Англичанам переуступил ценный источник в турецком МИДе. И так далее. Нашему военному агенту в Берне тоже предлагал свои услуги. Но к сожалению, в России ассигнования на разведочную деятельность слишком скудны. Тарифы «Шпионской биржи» нам не по карману. Поэтому его основные клиенты – Франция и Британия, а с той стороны – Австро-Венгрия и Германия. Мы лишь ходим кругами да облизываемся.

У генерала вырвался вздох искреннего сожаления, но долго унывать этот человек, по всей видимости, не привык. Он энергично потрянул головой:

– Что ж, раз мы не можем использовать фирму «Зоммер унд Зоммер» в своих интересах, выход один: пресечь ее деятельность. Иначе расклад не в нашу пользу. В войне разведок мы оказываемся слабее всех.

Жуковский нахмурил лоб и надолго замолчал, над чем-то задумавшись. Алеша понял, что сейчас не нужно вступать с вопросами. Нужно переждать.

– Вот, взгляните, – прошептал князь, протягивая фотокарточку, на которой Зоммер был запечатлен в каком-то ресторане, за одним столиком с подтянутым бритоголовым господином в австрийской форме. – Это он с майором Фекешем, специальным представителем австрийской разведки. Фекеш торчит в Сан-Плацидо безвылазно. Самый щедрый из клиентов Зоммера. Задрал цены до небес, даже его союзники-немцы недовольны.

– Что? – рассеянно обернулся генерал. – Прошу извинить, отвлекся. Всё ли пока ясно?

По-ученически подняв руку, Алеша спросил:

– Ваше превосходительство, а почему вы, ну то есть не вы лично, а наше министерство иностранных дел не пошлет ноту правительству Швейцарии. Так, мол и так, на вашей территории действует враждебная России шпионская организация, это является нарушением швейцарского нейтралитета и прочее подобное?

– Ноту послать, конечно, можно, – терпеливо объяснил Жуковский. – Но ведь Швейцария не Россия. Это у нас хватило бы запроса в Охранку, и прикрыли бы к черту любую фирму. А там начнется тягомотина: доказательства, адвокаты, судебная волокита. Зоммера так просто не ухватишь. Почтенный член общества, крупный налогоплательщик. Он для прикрытия ведет и легальную коммерческую деятельность – торгует экзотическими домашними растениями или чем-то в этом роде. Ботаник! Главное же...

Это было и так понятно – что его превосходительство сейчас заговорит о чем-то очень важном: он подошел к Алеше вплотную, наклонился и понизил голос, а князь Козловский умудрился в сидячем состоянии изобразить стойку «смирно».

– ... Перед нами другая задача. Эту лавочку мало прикрыть. Хорошо бы добыть знаменитую картотеку «Шпионской биржи». Там хранится самое ценное: имена и координаты информантов Зоммера по всем странам. Тех самых курочек, что несут ему золотые яйца. И к каждому источнику свой ключик. Мы знаем лишь одно: картотека спрятана на вилле Зоммера, в какой-то хитроумной потайной комнате, куда посторонним доступа нет. Дорого бы я заплатил, чтоб заглянуть в эту пещеру Аладдина! – мечтательно произнес Жуковский. – Теперь вам ясна вся важность операции?

Важность-то была ясна. Но при чем здесь Алексей Романов и его баритон?

Не дожидаясь вопроса, генерал кивнул:

– Вам, разумеется, хочется знать, зачем я раскрываю план секретнейшей операции постороннему человеку? Ну, во-первых, я доверяю Лавр Константиновичу, а он поручился, что вы человек чести и в любом случае будете молчать – даже если откажетесь...

Начальник снова умолк, испытующе глядя на молодого человека сверху вниз.

– ... Но я вижу, что вы не откажетесь. А потому расскажу вам всё без малейшей утайки. Итак, Швейцария – страна нейтральная, причем самых строгих правил. Взвод жандармов туда не пошлешь. Как быть? У Лавра Константиновича возникла оригинальная идея. Главная досто-

примечательность городка Сан-Плачидо – роскошная гостиница «Гранд-отель». Зоммер ужинает там почти всякий вечер. Из-за войны курорты Франции и Германии закрылись. Зато для швейцарских наступил истинный золотой век. Богатые люди непатриотического склада хлынули туда из европейских столиц, чтобы переждать тяжелые времена. Ну а швейцарцы и рады стараться. На гастроли в «Гранд-отель» приезжают артисты и музыканты с мировым именем, им ведь тоже сейчас несладко. А тут изысканная публика, превосходные гонорары... Вот князь и предложил: а не побаловать ли миллионеров русскими талантами? Не отправить ли в Сан-Плачидо под видом гастролирующей труппы маленький отряд агентов? Они проведут разведку на месте, проникнут на виллу Зоммера и захватят картотеку. – Жуковский азартно взмахнул рукой. – Идея превосходная. Наш сотрудник в Риме договорился с тенором Корнелини, у которого в «Гранд-отеле» через десять дней начинается ангажемент. В последний момент маэстро заболел и предложит на замену – с самыми лестными рекомендациями – русских артистов. Это стоило нам десять тысяч лир. Но далее возник вопрос. А кто будет обеспечивать прикрытие, то есть выступать? Мои сотрудники художественными талантами, увы, не блещут. Можно было бы попросить о помощи кого-нибудь из наших прославленных певцов, но все они в оперативном отношении люди не слишком надежные. Кто выпивает, кто нюхает кокаин, кто, пардон, глуп как пробка. Вот Лавр Константинович и вспомнил о вас. Проверены в деле, языки знаете. Если приедет да причесать, будете недурны собой. Опять же у вас, говорят, голос. Ну-ка, спойте что-нибудь.

От неожиданности Алеша заморгал.

– Спойте, Алексей Парисович, не стесняйтесь, – ободряюще подмигнул Козловский.

– А что петь? Из классического репертуара? Романс? Народное что-нибудь? Цыганское? Жуковский дернул плечом – очевидно, он не принадлежал к числу меломанов:

– Неважно. Любую песенку. Что у вас в палате пели раненые? Я помню по русско-японской, когда сам в госпитале лежал. Каждый вечер перед сном выздоравливающие что-нибудь да пели. М-м-м... Про степь что-такое, еще про м-м-м... как это... – До невероятности фальшивым голосом его превосходительство завел: – «Меня все знают, меня все любят, мужчины-душки меня голу-бят. Зизи – красотка, Зизи – кокотка, плывет по жизни, как в море лодка!»

Штабс-ротмистр и унтер-офицер не стовариваясь сморщились. Тембр, каким генерал исполнял куплеты, в просторечии обычно именуют «козлетоном».

– Ну а у вас что пели выздоравливающие?

– Вам не понравится.

– Да пойте же! Я не гимназистка.

– Как прикажете.

Не без злорадства Алеша запел:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело...
Начальник жестом остановил его.

– Знаю я эту песенку. Дрянь. Поете, однако, превосходно. Не хуже, чем этот, ну как его... Меня еще жена на концерт водила... Не вспомню. Молодец, вольноопределяющийся! Чувствуется школа. А «артисты», которых подобрали вы, Лавр Константинович, похожи на банду головорезов. И репертуар сомнительный. Солист у нас теперь есть. Нужно, чтобы остальная

«труппа» его не скомпрометировала. В Сан-Плачидо вы будете иметь дело с очень неглупым противником. – Жуковский немножко подумал и объявил. – Знаете что, извольте-ка во всех художественных вопросах слушать унтер-офицера. Вы, Романов, целиком и полностью отвечаете за артистическое прикрытие операции. Произведете отбор талантов по собственному усмотрению. Ясно?

– Так точно, ваше превосходительство!

Алеша встал и вытянулся. И Козловский тоже вскочил.

Из тона, каким было произнесено это самое «Ясно?», следовало, что решение принято, разговор окончен.

Смотр талантов

Час спустя Романов сидел у штабс-ротмистра, готовясь к смотру отобранных для поездки агентов.

Всё происходило так стремительно, что Алеша как-то забыл об оставшемся под салфеткой «штейерпипере». Формального согласия унтер-офицера на участие в операции так никто и не спросил. Это вроде как само собой подразумевалось.

После выхода из генеральского кабинета Козловский ни на минуту не оставлял молодого человека одного, так что не было решительно никакой возможности собраться с мыслями. Князь отвел нового сотрудника в костюмную и велел подобрать для него цивильное. Накормил ужином в столовой. Сообщил кое-какие дополнительные сведения. А там уж пора было идти принимать экзамен – срочно истребованные к штабс-ротмистру таланты собрались и ждали в коридоре.

Князь немного нервничал за своих выдвиженцев.

– ... В смысле репертуара его превосходительство, конечно, прав, – говорил он. – Есть некоторые сомнения. Сам я буду при вас аккомпаниатором. В детстве меня много мучили игрой на фортепьяно. Матушка мечтала, что я пойду в консерваторию. Слава Богу, папаша отдал в корпус... Но как играть, помню. Меня в полку на праздниках всегда за пианино сажали. Могу и «Польку-бабочку», и «Кирасиры-молодцы». В сущности, если есть ноты, сыграю что угодно. – Лавр Константинович вдруг засмеялся. – Хорошая мы с вами будем парочка. Певец сухорукий, концертмейстер колченогий. Зато остальные участники труппы молодец к молодцу, сами увидите. Кого запустить первым?

– Кого угодно.

– Лютиков! – гаркнул Козловский, повернувшись к двери. И пояснил. – Это будет наш иллюзионист. Ну, или просто фокусник. Очень нужный для дела человек. Вы уж, Алексей Парисович, будьте к нему понисходительней.

В кабинет развалистой походкой вошел сутулый человек с неподвижным лицом, черты которого наверняка заинтересовали бы сторонника криминально-физиогномической теории Ламброзо.

Вместо приветствия подозрительный тип дернул углом рта в сторону штабс-ротмистра, а в Алешу всверлил жестким, как фреза, взглядом.

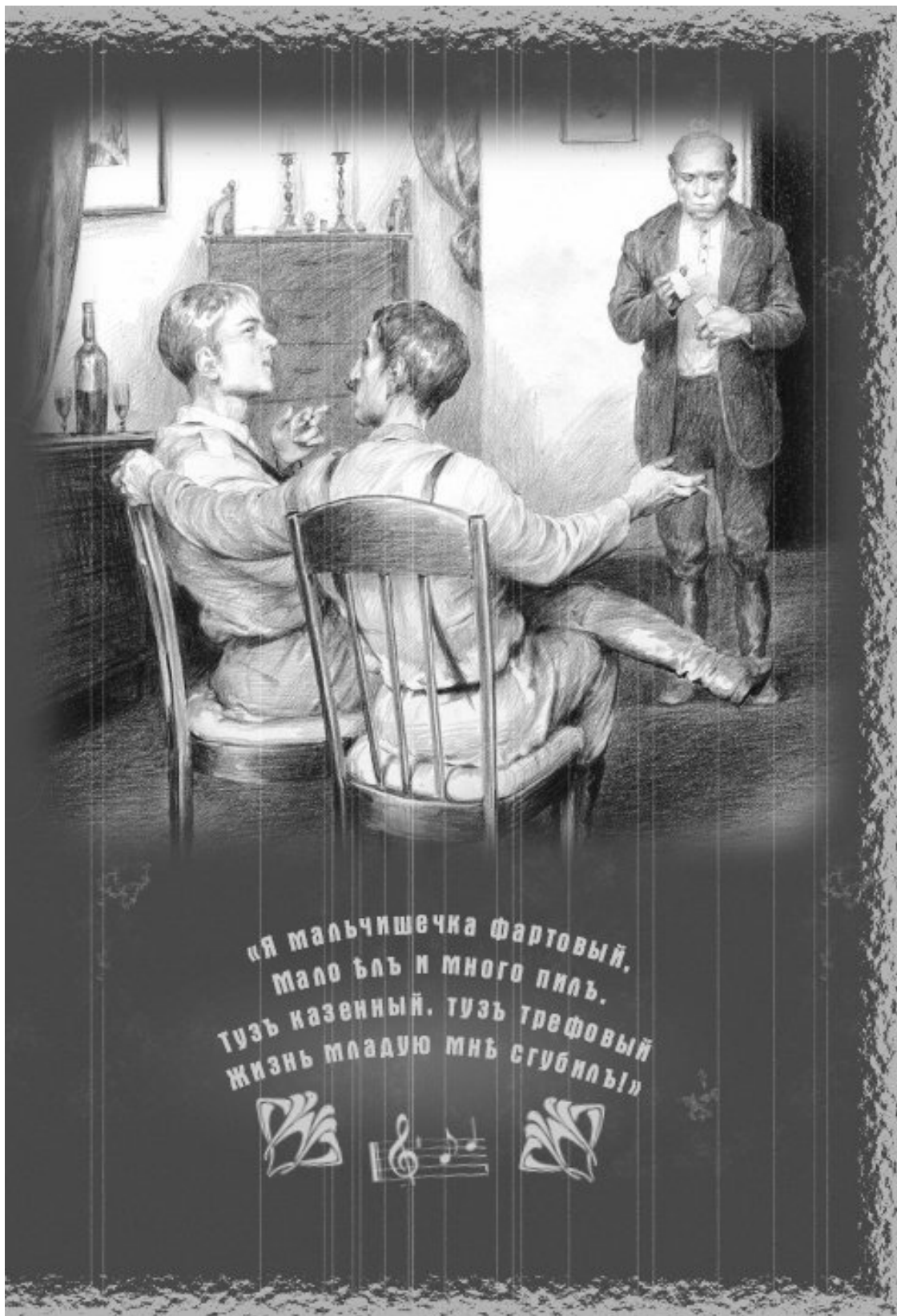
– Давай, – приказал князь, – показывай. Только о приветливой улыбке не забывай. Я тебе объяснял!

Губы Лютикова скривились в презрительной ухмылочке. Он извлек из кармана колоду карт и с невероятной ловкостью погонял ее разноцветной радугой из ладони в ладонь. Выудил первую попавшуюся – это оказался туз треф. Скривился, порвал на мелкие кусочки. Снова перетасовал, снова вынул – туз треф. Порвал. И так третий раз, четвертый.

– Покажите колоду, – сказал Алеша.

– Пажа-алста.

Все тридцать шесть карт были на месте. Трефовый туз тоже.

Лютиков перемешал колоду, не глядя выудил из нее злосчастного туза, предал лютой казни.

– Покажите теперь!

Ага, карт осталось тридцать пять!

– Туза нет, – констатировал Романов.

– Как это нет? Вон он он.

Иллюзионист извлек целого и невредимого повелителя трэф из Алешиного нагрудного кармана.

– Ну как? – спросил гордый за своего кандидата Козловский. – Правда молодец? Над улыбкой только надо еще поработать.

– Вашбродь, корму подымите, – попросил фокусник. – Со стула.

И вынул из-под штабс-ротмистра еще одного трэфового туза. Потом из-под правого погона. Из-под левого. Из княжьего уха. Из-за воротника.

Сказал с растяжкой:

– Самая поганая карта. Никакой от нее жисти нет.

– Как вы это делаете? – заинтересовался Алеша.

Ответом ему была лишь снисходительная усмешечка.

– Филя – легендарный «медвежатник», – объяснил штабс-ротмистр, любовно глядя на Лютикова. – Любые сейфы, как орехи, шелкает. Как началась война, проникся патриотизмом, с уголовным прошлым покончил. Ты ведь в завязке, Лютиков?

– До победы над немцем – железно, – пообещал патриот.

С тяжелым вздохом Алеша развел руками:

– Ну, если нужен для дела, пускай будет. Пойдет как артист оригинального жанра.

– Молодец, Лютиков! – Козловский просиял. – Зови сюда Гулыгу. Это, Алексей Парисович, «волкодав», мастер по захвату. Отобран в отряд, потому что здорово сочиняет комические куплеты. Имеет у сослуживцев большущий успех.

На смену уголовнику явился мелкий мужчинка с несоразмерно большими руками, в которых он держал кокетливую гармонику.

– Здравия желаю! Прикажете исполнять?

– Валяй! С душой, как умеешь!

Физиономия Гулыги вся пошла мелкими лучиками, один глаз хитро подмигнул.

– Й-эх!

У моей молодки
На бахче арбузы.
Чуть пониже подбородку,
Чуть повыше пуза!

Певец изобразил при помощи своего музыкального инструмента огромный бюст, и князь зашелся смехом. Отбивая каблуками подобие чечетки, Гулыга исполнил второй куплет, еще заковыристей предыдущего:

У моей голубки
Аж четыре губки.
Две для поцелуя,
Две для пользы ...общества!

Князь от хохота согнулся пополам, обессилено замахал рукой. Зато Алеша сидел мрачнее тучи и после первой же строки третьего куплета («У моей Аниськи...») прервал выступление:

– Спасибо, господин Гулыга. Можете идти. – А когда за кандидатом закрылась дверь, отрезал. – Нет, Лавр Константинович, для Швейцарии это не годится.

– Да? – Козловский был обескуражен. – А нашим всем нравится... По захвату у меня, впрочем, еще один кандидат есть. Эй! – крикнул он. – Давайте сюда Никашидзе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.